

Structural elements of the corpus delicti and their significance for the qualification and prevention of corruption crimes

Abstract: The article explores the concept of «elements of crime», which is the key for the Russian theory of criminal law and international criminal law doctrines. The article analyzes structure of a crime, the quantity and quality of objective and subjective characteristics required in combination as a basis for criminal liability. The authors conclude that the four-element structure of a crime more completely reflects aspects of crime and involves identifying both external and internal aspects of criminal acts. The article proves significance of the relationship between the concepts of «elements of crime» and «crime» particularly in terms of corruption-related crimes that require avoiding gaps in the criminal law considering new greater risk of corruption.

Incompleteness and inconsistency of corruption-related crimes' elements presentation in departmental normative acts used for statistical purposes is stated in the article. The authors suggest necessary to pay special attention to object of crime while classifying corruption-related crimes. The authors define new aspect of corruption-related crimes committed by passive bribery. The aspect is related to the object and it was suggested to be called «countersubject». «Countersubject» is a person taking bribery and committing (presumably) cross-crime and therefore cannot be considered as victim. This person acts as subject in terms of active bribery crimes. Countersubject is an essential element of crimes provided by articles 141, 141.1, 183, 184, 204, 290 of the criminal code and is essential for their classification.

Keywords: corpus delicti; elements of crime; elements of crime structure; objective and subjective characteristics of elements of crime; grounds of criminal responsibility; crime classification; corruption-related crimes; object of corruption-related crimes; elements of corruption-related crimes; countersubject.

Некоторые из теоретических проблем уголовного права находятся в постоянном осмыслении, что позволяет отнести их к разряду «вечных», при этом каждое следующее поколение ученых пытается придать им новое

♦ **Golovin, Aleksandr Yu.** - Doctor of Law, Professor, Faculty Dean of Law of Tula State University, Tula, Russian Federation; e-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru.

Bugaevskaya, Natalia V. - PhD in Law, Associate Professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation; e-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru.

звучание. К разряду таких проблем относится вопрос о структуре состава преступления, вызывающий «постоянную дискуссию на всем протяжении развития теории уголовного права» [27, с. 8].

Понятие *corpus delicti* (пер. с лат. - состав преступления) в XVI–XVII вв. имело процессуальное значение, так как обозначало все те следы, которые оставляет преступное деяние во внешнем мире [18, с. 336], наличие преступления в действительности. С конца XVIII в. состав преступления становится ключевым термином материального права благодаря учению известного немецкого криминолога П.А. Фейербаха о *tatbestand* (пер. с нем. - подлинное состояние преступления), т.е. о постоянстве признаков преступления, закрепленных в уголовном законе [28, с. 20].

Современная конструкция *tatbestand* (состава преступления, или «состояния закона») в Германии не изменилась со времен П.А. Фейербаха и представлена двухзвенной структурой, состоящей из объективного и субъективного составов [21, с. 428]. В объективный состав входят признаки субъекта, объект преступления (предмет в понимании отечественной доктрины уголовного права), охраняемое благо (объект в российской теории уголовного права) и динамика деяния, включающая в себя поступок лица, последствия и причинную связь между ними. Субъективный состав составляют умысел и неосторожность, цели и субъективная ошибка. При этом признаки *tatbestand* образуют состав не преступления, а деяния, предусмотренного нормами Особенной части УК РФ [6, с. 117], т.е. соответствуют российскому понятию общественно опасного деяния и описывают типы преступлений, а собственно состав преступления базируется на противоправности деяния, виновности, которая включает в себя и понятие субъекта (признаки его вменяемости и возраст), и «упречность» его поведения (основанного на осознанном выборе). Таким образом, главное с точки зрения современной отечественной доктрины уголовного права субъективное основание - вина и вменяемость - остается за рамками состава преступления. По германскому уголовному праву лицо, которое совершило действия, описанные в законе (*tatbestand*), будет осуждено только в том случае, если будет установлена его личная персонифицированная вина, противоправность его действий, при этом наличие состава деяния уже ставит его под угрозу наказания и иных мер уголовно-правового воздействия [26, с. 59-61].

В английском общем праве и уголовном праве США исторически сложилось иное структурирование состава преступления. Но его также представляют лишь два элемента - преступное действие (*actus reus*) и виновное отношение (*mens rea*) [17, с. 1192]. Субъект преступления для американской уголовно-правовой доктрины не имеет значения. Более того, исторические

факты свидетельствуют о привлечении еще в прошлом веке к ответственности животных. В настоящее время возраст физических лиц в законодательстве разных штатов различается; вменяемость не является обязательным признаком субъекта преступления, на основании чего невменяемость не исключает наличие состава преступления; юридические лица также могут подлежать уголовной ответственности [13, с. 25].

В российской доктрине состав преступления трактуется неоднозначно, известны три основные позиции его оценки. Первая позиция, самая ранняя, сводится к восприятию состава преступления как реального бытия. Как писал Н.С. Таганцев, «преступное деяние является известным жизненным отношением, возникающим между посягающим и предметом посягательства, совмещающим в себе своеобразные черты или признаки, на основании которых оно входит в группу юридических отношений вообще и притом занимает в этой группе самостоятельное место как уголовно наказуемая неправда. Совокупность этих характеристических признаков преступного деяния в науке уголовного права, в особенности в литературе германской, называют составом преступного деяния» [18, с. 335]. При этом структура состава преступления представлялась ему состоящей из трех элементов: 1) виновное лицо; 2) объект или предмет преступления; 3) преступное деяние с его внутренним аспектом - виновностью и внешним - преступной деятельностью (объективным проявлением виновности) [18, с. 423].

Другие представители дореволюционной классической школы уголовного права считали, что составом преступления следует называть существенно необходимые признаки, «без которых ни одно преступление немыслимо» [7, с. 59]. В советской и позже российской науке уголовного права мнения данных ученых поддержали, отмечая, что составом преступления является совокупность признаков (элементов), образующих данное преступление [23, с. 282; 25, с. 41], структурированное по четырем подсистемам ядро (основа, сущность) преступления, воплощающее такую же реальность, как и само деяние [10, с. 7].

Согласно второй, нормативистской позиции, в настоящее время главенствующей в уголовном праве, состав преступления рассматривается как совокупность предусмотренных законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление; как законодательная модель преступного деяния [2, с. 32-33; 12, с. 170-171; 22, с. 72].

Соединение данных позиций наблюдалось во взглядах А.Н. Трайнина, А.А. Пионтковского. Они расценивали состав преступления, с одной стороны, как объективную реальность, конкретное деяние, с другой стороны, как

совокупность признаков, характеризующих преступление [15, с. 120; 16, с. 305]. Нельзя не отметить тот факт, что для советской доктрины уголовного права именно труды А.Н. Трайнина сделали понятие «состав преступления» одной из фундаментальных категорий [19, с. 11].

Третья позиция относительно состава преступления связана с признанием его лишь юридической конструкцией, представляющей собой упорядоченную совокупность признаков, содержащихся в уголовном законе и описывающих деяние как преступное, запрещенное нормами УК РФ [20, с. 343-353]. Состав преступления — это некая модель деяния, с которой впоследствии работает правоприменитель, производя квалификацию преступления, причем модель типическая [1, с. 27], информационная [9, с. 60], логическая [24, с. 186].

Все перечисленные взгляды имеют право на существование, но они не меняют главного назначения состава преступления. В законе состав преступления остается идеальной моделью деяния, содержащей достаточную совокупность признаков преступления, но при применении этой модели к конкретным реалиям он становится инструментом квалификации преступления [11, с. 20-21]. Как известно, квалификация преступления представляет собой установление тождества между событием преступления и отраженными в законе признаками состава преступления [9, с. 59].

В целом устоявшимся понятием состава преступления является его трактовка как совокупности объективных и субъективных элементов, позволяющей определенное общественно опасное деяние признать соответствующим его описанию в статье уголовного закона [24, с. 186]. В уголовно-правовой научной литературе используются термины «субъективный состав деяния», «субъективный состав необходимой обороны» [6, с. 185]. А.Э. Жалинский, опираясь на немецкий опыт, отстаивает целесообразность более логичного построения теории о составе преступления и выделения в нем состава противоправности, состава общественной опасности и состава вины [5, с. 20-26]. На примере теории российского и иностранного уголовного права можно убедиться, что деление состава преступления на элементы условно, субъективные его признаки неразрывно связаны с объективными, внутренняя сторона преступления проявляется через внешнюю. При этом должен выполняться важнейший постулат учения П.А. Фейербаха о том, что государство обязано установить «подлинное состояние преступного деяния», благодаря которому можно выявить и определить четкие критерии объективных и субъективных признаков состава преступления, так как от их совокупности зависит наказуемость деяния.

Радикальный отказ от существующей структуры состава преступления непродуктивен. Правоприменительная деятельность следователей,

дознателей и других должностных лиц, использующих уголовный закон, ежедневно основывается на признаках состава преступления, наличие всей совокупности которых является единственным основанием уголовной ответственности. Ввиду этого состав преступления должен быть тщательно структурирован и предельно точно определен по содержанию.

Важно учитывать соотношение понятий состава преступления и преступления как такового. Например, основанием для возбуждения уголовного дела, в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, будет «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления», при этом отказ в возбуждении уголовного дела осуществляется согласно п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ при отсутствии в деянии состава преступления.

Состав преступления - это некая «матрица», в которую можно помещать любую форму социальной действительности [29, с. 26-27], так как преступление - это не исключение из общественных отношений, а их реализация в негативном криминальном варианте. Эта матрица должна иметь определенные очертания, сформированные доктриной. Однако благодаря постоянному обращению к судебной, следственной практике признаки и структура состава преступления начинают определяться эмпирически, и это становится приемлемым и всеми поощряемым фактом. Квалификация преступления носит познавательный характер в отношении преступления, важно сопоставить признаки реального события с его отражением в законе с учетом того, как структурировано представление и о преступлении, и о составе преступления.

Тем не менее, процесс квалификации преступления с его опорой на состав имеет значение не столько для правоприменителя, сколько для виновного, права которого недопустимо нарушать. Поэтому нормы закона не должны быть резиновыми, с разным вкладываемым в них смыслом в зависимости от того, кто является подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления. Применение закона, особенно в области борьбы с коррупцией, не должно создавать новых коррупционных рисков и пробелов.

Общие признаки преступлений коррупционной направленности раскрываются в ведомственном указании Генеральной прокуратуры РФ № 387-11 и МВД РФ «О введении в действие Перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» от 11 сентября 2013 г. № 2: 1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом,

органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ; 2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; 3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); 4) совершение преступления только с прямым умыслом.

Как отмечено, это именно признаки преступления, но они далеки от даваемых в ст. 14 УК РФ и скорее напоминают субъективные и объективные признаки состава преступления, непоследовательно раскрытые и неполно изложенные. Так, отсутствует признак объекта преступления, в общем виде, поверхностно указаны признаки объективной стороны преступления.

Если критически посмотреть на признаки состава преступления как такового, то можно заметить, что не все из них одинаково задействованы в процессе квалификации преступления. Так, признаки объекта становятся весьма условными, формальными, объект выступает лишь техническим элементом состава преступления. Опираясь на объект преступления, больше теоретики, чем практики, различают смежные или сходные по другим критериям составы преступлений, такие как, например, служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и подделку, изготовление или сбыт поддельных документов (ст. 327 УК РФ). Признаки общего субъекта (возраст, физическое лицо) также редко имеют значение для квалификации.

Но для преступлений коррупционной направленности объект, как и субъективные признаки преступления, столь же важен.

Одной из авторитетных точек зрения является признание общественных отношений объектом преступления. Есть и другие мнения по данному вопросу. Не вступая в дискуссию на данную тему, заметим, что уголовное законодательство охраняет наиболее значимые для общества общественные отношения, а регулируют их преимущественно другие отрасли права, поэтому общественные отношения, подвергнувшиеся такому регулированию, также могут быть признаны объектом преступления [3, с. 46].

Объектом коррупционных преступлений являются правоотношения, т.е. отношения, урегулированные уголовным законом. Это подчеркивается многими авторами, которые объектом, например, должностных преступлений обозначают нормальную, соответствующую закону деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Но эти отношения не являются уголовно-правовыми, так как последние не существуют до момента совершения преступления [8, с. 26]. Это правоотношения, которые регулируются нормами административного, муниципального, служебного права.

Минимум признаков состава преступления позволяет говорить о наличии уголовной противоправности как признаке преступления. Описание некоторых из преступлений коррупционной направленности, преимущественно совершаемых путем подкупа, таково, что требует наличия не только субъекта преступления, но и, так сказать, противоположной стороны криминальных общественных отношений, в которых этот субъект состоит.

Обычно виновному лицу в его криминальном поведении противостоит потерпевший. В преступлениях, совершаемых путем подкупа, получателя незаконного вознаграждения нельзя признать потерпевшим с точки зрения уголовного права, так как он также совершает встречное преступное деяние. Считать его парным субъектом по аналогии с такими составами преступлений, как торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ), где виновными выступают лица, являющиеся как продавцами человека, так и его покупателями; производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции (ст. 171.1 УК РФ), где субъектами преступления являются как лица, сбывшие эти товары, так и лица, приобретшие их; приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), где ответственности подлежат как лица, являющиеся сбытчиками имущества, заведомо добытого преступным путем, так и лица, являющиеся приобретателями этого имущества [14, с. 24], также неверно, поскольку лица, вступающие в данные криминальные «сделки», несут ответственность за данные преступления в рамках одного и того же состава.

Преступления коррупционной направленности, совершаемые путем подкупа, - это своего рода сделка, в которую вовлечены две стороны: подкупаемая сторона - коррупционер и подкупающая сторона, которую можно именовать «корруптер» [4, с. 61], что находит свое подтверждение и в международных антикоррупционных документах. Однако термин «коррупция» не является собственно уголовно-правовым, значит, и производные от него более употребимы в криминологическом ракурсе, нежели в уголовном праве, где необходимо давать четкие наименования признакам состава преступления. Более целесообразно именовать данный признак преступления «контрсубъект» (от лат. *contr* - противоположный, противостоящий), но относить его к объекту как элементу состава преступления, так же как и потерпевшего. Если состав преступления сконструирован таким образом, что необходимо устанавливать признаки контрсубъекта, то, значит, от его характерных свойств во многом зависит квалификация, а деяние самого контрсубъекта должно оцениваться как преступное по соответствующей статье УК РФ.

Анализ норм Особенной части позволяет установить, что, по крайней мере, в таких составах преступления, как воспрепятствование осуществлению

избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, путем подкупа), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ч. 1 ст. 141.1 УК РФ), незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 1 ст. 183 УК РФ, путем подкупа), оказание противоправного влияния на результат официально- го спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 1, 2 ст. 184 УК РФ), коммерческий подкуп (ч. 1, 2 ст. 204 УК РФ), дача взятки (ст. 290 УК РФ), состав преступления будет полным, если передача предмета подкупа была осуществлена надлежащему лицу.

При этом признаки данного контрsubjекта не составляют определенного элемента состава преступления, они характеризуют адресность действия, обстановку совершения преступления, но в то же время должны охватываться умыслом виновного, а также быть связаны с характером общественных отношений, поставленных под защиту уголовного закона. Виновный, передавая незаконное вознаграждение лицу, нарушает те общественные отношения, которые охраняет уголовный закон, и если это отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы, то деяние квалифицируется как дача взятки (ст. 290 УК РФ), а если это отношения в сфере службы в коммерческих и иных организациях, то оценка деяния должна быть дана по ч. 1 или ч. 2 ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп». Отражением этого являются свойства контрsubjекта, т.е. должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Значение выявления состава преступления коррупционной направленности состоит в том же, что и любого другого состава преступления: совокупность объективных и субъективных признаков позволяет правильно квалифицировать деяние, отличать преступление от правонарушения, на основе этого принимать решения уголовно-процессуального характера, в том числе в конечном итоге определять вид и размер наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления. Благодаря этому возможно в полной мере реализовать принцип субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), т.е. оценить сознательное волевое поведение лица, являющегося субъектом преступления, а также его отношение к совершенному деянию в виде взаимодействия с контрsubjектом в данном случае. В теории состава преступления субъективные признаки неразрывно связаны с объективными, так как именно через внешне выраженное поведение человека проявляются его внутренние устремления и мотивы.

Значение такого признака состава преступления коррупционной направленности, как контр субъект, столь же важно, как и уголовно-правовая характеристика потерпевшего для конкретного состава преступления. Научно-практическое значение данных выводов состоит в том, что они связаны с одним из важнейших вопросов уголовного права - уточнением основания уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности.

Bibliography

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of Law]. Moscow, 1982. Vol. 2. 363 p.
2. Gaukhman L.D. *Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika* [Crime classification: law, theory, practice]. Moscow, 2005. 448 p.
3. Grigor'ev V.A. Social danger as aspect of action that requires criminal and legal response. *Problemy ugovnoyi otvetstvennosti i nakazaniya* [Problems of criminal responsibility and punishment]. Ryazan', 2000, pp. 43–48. (In Russian).
4. Dolgova A.I. Problem of criminological causality of criminal legislation on corruption-related crimes. *Ugovnoe pravo = Criminal law*, 2013, no. 5, pp. 61–63. (In Russian).
5. Zhalinskii A.E. Social danger in structure of criminal and legal evaluation of action. *Yuridicheskiy mir = The Legal World*, 2003, no. 7, pp. 20–26. (In Russian).
6. Zhalinskii A.E. *Sovremennoe nemetskoe ugovnoe pravo* [Modern German criminal law]. Moscow, 2006. 560 p.
7. Kistyakovskii A.F. *Elementarnyi uchebnik obshchego ugovnogo prava* [Elementary book of general criminal law]. Kiev, 1875. 413 p.
8. Korzhanskii N.I. *Ob'ekt i predmet ugovno-pravovoi okhrany* [Object and subject-matter of criminal legal protection]. Moscow, 1980. 248 p.
9. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [General theory of crime classification]. Moscow, 2004. 304 p.
10. Kuznetsova N.F., Kudryavtsev V.N. (ed.). *Problemy kvalifikatsii prestuplenii: lektsii* [Problem of crime classification: lectures]. Moscow, 2007. 336 p.
11. Markuntsov S.A. On relation between terms: elements of crime and criminal legal prohibition. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 7, pp. 19–22. (In Russian).
12. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovnoe pravo. Kurs lektsii* [Russian criminal law. Lectures]. Moscow, 2004. Vol. 1. 496 p.
13. Nikiforov B.S., Reshetnikov F.M. *Sovremennoe amerikanskoe ugovnoe pravo* [Modern American criminal law]. Moscow, 1990. 256 p.

14. Orazdurdyev A.M. Problem of objects' multiplicity and pair subjects in simple crime definition. *Rossiiskii sledovatel'* = Russian Investigator, 2013, no. 15, pp. 23–28. (In Russian).
15. Piontkovskii A.A. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Obshchaya chast' [Theory of crime according to Soviet criminal law. Soviet criminal law course. General part.]. Moscow, 1961. 666 p.
16. Korobeev A.I. (ed.). Polnyi kurs ugolovnogo prava [Complete course of criminal law]. Saint Petersburg, 2008. Vol. 1. 1133 p.
17. Polyanskii E.Yu. Theory of crime elements in criminal law of the USA: key points and main drawbacks. *Lex russica*, 2013, no. 11, pp. 1191–1204. (In Russian).
18. Tagantsev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya. Lektsii [Russian criminal law. General part. Lectures]. Saint Petersburg, 1902. Vol. 1. 823 p.
19. Trainin A.N. Sostav prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu [Elements of crime according to Soviet criminal law]. Moscow, 1951. 388 p.
20. Zhalinskii A.E. (ed.). Ugolovnoe pravo [Criminal law]. Moscow, 2011. Vol. 1. 864 p.
21. Kozochkin I.D. (ed.). Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran. Chasti Obshchaya i Osobennaya [Foreign countries criminal law. General and special parts]. Moscow, 2010. 1038 p.
22. Rarog A.I. (ed.). Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' [Russian criminal law. General Part]. Moscow, 2009. 496 p.
23. Gertsenzon A.A. (ed.). Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal Law. General Part]. Moscow, 1948. 496 p.
24. Kozachenko I.Ya. (ed.). Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal Law. General Part]. Moscow, 2008. 720 p.
25. Gertsenzon A.A., Osherovich B.S., Piontkovskii A.A. (eds). Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal Law. General Part]. Moscow, 1939. 331 p.
26. Ugolovnyi kodeks FRG [Criminal Code of the Federal Republic of Germany Federal Republic of Germany]. Moscow, 2009. 202 p.